

Ликвидация

С некоторых пор смиренный иерей, отец Александр из Выповской, Глебовской волости, — слободки, стал задумчив и мрачен, аки туча.

Первой заметила сию прискорбную перемену попадья.

— Задумчив ты стал поп, погляжу я на тебя!

Отец Александр углублённо молчал и день ото дня становился всё задумчивей.

В церкви он путал поминания, был рассеян и даже однажды, во время причастия, вышел из алтаря с папиросой во рту.

В воздухе назревало что-то трагическое...

Как-то раз о. Александр сидел дома и, глядя в раскрытое окно, морщась, долго прикидывал что-то в уме.

Вечер медленно обволакивал землю темнотой и сыростью.

— Решено! — неожиданно сказал отец Александр и закрыл окошко.

— По гражданской линии пойдём! Да-с!

Снял рясу, повесил её на стул. Оглядел критически и сурово. Ряса висела смиренно.

— На штаны пойдёшь! Так-то... Галифе из тебя сошью... По гражданской линии, стало быть... Эх ты... ряса!..

Слух о решении о. Александра разнёсся среди верующих с быстротой радио.

— Сие странно и весьма похабно! — сказал по поводу поповского решения дьякон, человек весьма склонный к самокритике.

— Конечно, я не гений!.. — говорил о. Александр экс-попадье. — Самопишущее перо, пожалуй, не изобрету, но киномехаником быть могу. По кооперации махну, например...

— Антирелигиозником можно тоже быть. Или в уголовный розыск — агентом... Либо в оперетку. А эту канитель я брошу! Дефицитное предприятие и вообще...

— Тебе, конечно, виднее, ты у меня деляга! — снисходительно отвечала матушка.

На другой день были визитёры. Приходила делегация мумия-образных старух. От их тёмных одежд, извлечённых из сундуков, пахло нафталином и торжественностью.

Старухи с обиженным видом медленно пили чай с крохотными кусочками сахара — вприкуску и молчали.

А после чая начались дипломатические разговоры.

— Али уходить задумал?

— Не задумал, а решил! Отрекаюсь от старого мира на все сто процентов. Закрываю лавочку...

— А то послужил бы ещё в попах-то! — соглашательски заметила одна из старух.

— Расчёту нет, дочерь моя! Волянка одна. Брюхо-то, оно тоже есть просит. Небось на ваши копейки папирос приличных не купишь. На «Пушку» не наскребёшь...

— А ты потерпи за веру то! Бог воздаст...

О. Александр в ответ выразительно показал кукиш.

— Религия, — как говорит т. Маркс, — есть опиум. А с опиума мне прибыли горевые!

— Охальник! — спокойно сказала старуха.

— Охальник и аспид! — заметила другая.

— А мне плевать. Я теперь, можно сказать, с высоты пирамид египетских плюю на вас!

— Так не останешься в попах?

— Воздерживаюсь!

Старухи уходили гуськом, насупленные...

...Поздно ночью отец Александр писал заявление в епархию. Лампа на столе весело подмигивала попу.

«При сём препровождая свой сан...»

Сообразил, что написал не так, сосредоточился и начал снова.

«Преосвященному Леониду, епископу Переславскому.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Не желая продолжать службу священником, прошу немедленно снять с меня священнический сан. Решение моё твёрдо и бесповоротно.

Никакие уговоры и увещания не помогут.

Александр Колоколов».

Через четыре дня заявление читал епископ.

— Режут. Без ножа режут, бродяги!.. — пробормотал епископ, но всё же взял в руки перо и наложил резолюцию:

«Священный сан считаю снятым»...

Речь идёт про село Выползова слободка Глебовской волости. Кстати, долгое время в церкви этого села служил священник Иоанн Колоколов. — *Ред.*